

Дмитрий Негодин / Фото со страницы Дмитрия в фейсбуке

28.07.2020, 16:24 Ленинградская область

свой опыт

Незапароленный телефон, мат и грубость: рассказ задержанного в Ленинградской области

18 июля в Гатчине Ленинградской области **задержали** участников «Стратегии-18», решивших выразить солидарность с крымскими татарами. Задержанных доставили в отдел, где они провели ночь. При этом полицейские применяли силу — кому-то выкручивали руки, у кого-то насильно брали отпечатки пальцев. Активисты считают, что в их телефонах копались, пока сами они были в камерах. ОВД-Инфо публикует рассказ одного из задержанных Дмитрия Негодина.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

В протоколах записано, что я принимал участие [в акции]. В реальной жизни я вел трансляцию, фотографировал. Я не принимал никакого участия в акции. А какая акция-то? Фотографирование с плакатами, ой, офигеть, акция прям.

Фотографирование было посвящено солидарности с крымскотатарскими активистами, которые не согласны с тем, что Россия оккупировала Крым.

Я давно участвую в «Стратегии-18». Уже около трех лет каждый месяц в честь 18 мая 43 года, когда по приказу Сталина с Крыма были выселены все народности, кроме русских и украинцев. Речь не только о крымских татарах, но и о греках, армянах, евреях, все малые народности. Это была ужасная депортация.

Наш план изначально был пофотографироваться у разных красивых зданий Гатчины. Походили по ней, искали такие места. Начать решили около кирхи какой-то. Мы не собирались проводить там массовое пикетирование. Но когда пошли претензии полицейских, мы поняли, что сейчас будет задержание, терять было уже совершенно нечего.

Какая разница, тебя задержат просто за то, что ты сюда пришел, за видеосъемку, или за то, что просто сидишь на желтом столбике, просто стоишь неподалеку или стоишь с плакатом? Если разницы никакой нет, тогда почему не встать с плакатом? Люди взяли и встали с плакатами.

Почему мы поехали в Ленобласть? Потому что там не запрещены массовые мероприятия. Тем не менее нас подвергли задержанию.

В интернете есть видеозапись, я все снимал. В отделе полиции уже у меня выбили камеру. Там это хорошо видно. Напали на меня, сразу несколько человек напрыгнули, начали крутить руки, повредили мне палец немножко, без последствий, вроде сейчас нормально. Его выкрутили, чтобы телефон отобрать.

Мы считали требования полицейских незаконными, мы не соглашались подчиняться им, поэтому они применяли силу. Больше не во время задержания, а в отделе полиции. Например, у Ольги Смирновой насильно взяли отпечатки пальцев. Действительно набросились на нее, выкрутили ей руки, прислоняли руки к «Папилону» (устройство для снятия отпечатков пальцев — *ОВД-Инфо*). У них нет камер в этих местах в отделе полиции, в СПЗЛ (специальное помещение для задержанных лиц — *ОВД-Инфо*) видеокамер тоже нет. Они этим пользуются.

Мы сидели с Ольгой в отдельном помещении. Пришел к нам полицейский побеседовать, поспрашивать. Я не знаю, может, это какой-то эшник (сотрудник Центра по противодействию экстремизму — *ОВД-Инфо*) местный.

Ольга Борисовна слишком много стала ему рассказывать лишнего, я напомнил Ольге Борисовне про существование статьи 51 [КоАП, позволяющей не свидетельствовать против себя]. Тогда этот полицейский взял и начал меня тянуть за ухо. Человек при оружии, с дубинкой, позволяет себе обращаться с задержанными вот таким образом.

Сразу же пришел защитник, и мы сразу написали ходатайства в письменном виде с требованиями, чтобы к нам пропустили защитника. Полицейским совершенно пофигу было. Они пользуются тем, что у них нет

видеокамер в полицейском участке. Сами говорят с собой на матерном языке, громко, ругаясь, командуют там всем женщины. Когда я начал требовать, чтобы мне разрешили почистить зубы, одна много раз громогласно сказала мне: «Иди нахуй!» Чтобы показать, что я никто. И позвала подмогу, чтобы меня затолкали в камеру. Защитника так и не пустили.

Нас втроем поместили в двухместную камеру. Смартфоны отобрали у нас со всеми вещами, когда разводили по камерам. Вещи отобрали без описи. Просто полицейская дежурная на каком-то своем огрызке бумажке попросила написать, что имеется ценного.

В суде Ильяс Эшреф с удивлением обнаружил, что его смартфон был включен. Он абсолютно точно помнит, как полностью его выключал.

Смартфоны выдавали перед доставлением в суд. Первых доставили в суд меня и Асана Мумджи. Я это связываю с тем, что у Асана смартфона просто не было — у него обычный кнопочный телефон. А мой смартфон имеет надежное шифрование. Им просто нечего с ними было делать. Всех остальных доставили в суд только через несколько часов.

Когда я взял телефон Ильяса, я посмотрел в раздел электропитания, сколько работает батарея, и увидел, что телефон был включен 10 часов 40 минут назад.

А мы провели почти сутки в УМВД. То есть его включили, когда мы были заперты по камерам. Это я обнаружил в 21:17. Процесс подключения USB был десять часов назад. Видимо, его подключали к компьютеру. График работы приложений показывает работу приложения «Контакты». Возможно, это системные процессы и они запускаются вместе с включением.

На смартфоне Ольги по графику разряда батареи четко видно, как они не просто его включили, но и подсоединили

к компьютеру, батарея встала на зарядку. Что-то с ним копались, а потом поставили на зарядку. Уровень заряда пошел в гору, а потом стал понижаться. Видимо, отключили в этот момент от компьютера. Телефон Ольги был распаролен полностью, им было просто. Главное, что по времени все очень хорошо совпадает с временем, когда у Ильяса включали его телефон.

Теперь можно посмотреть на смартфон Татьяны Сичкаревой. Татьяну и Ольгу привели в суд позже всех. Их из камеры выпустили позже всех, настолько поздно, что они были уверены, что их еще на сутки оставляют. Телефоном Татьяны игрались с утра и практически до отдачи ей вещей. Включался экран на смартфоне, смартфон переходил в активный режим. Много раз экран включался, днем он был включен уже почти все время, редко когда выключался. Ясно, что телефон был в чьих-то руках.

У нее был пароль, но пароль был очень простой, рисунок схематический, движения эти легко считывались по жировому следу, который палец оставляет на стекле. Если она попадала под камеры со смартфоном, то эти три линии прекрасно было видно. И вот сразу после разблокировки идет очень мощный разряд батареи. То есть они его очень хорошо изучали, потом разряд понижался не так резко.

С моим телефоном ничего не происходило.

Я сразу же высказал предположение, что нам не давали ничего брать из рюкзаков до самого последнего времени, — хотя изначально нам обещали, что дадут покурить, например — именно чтобы мы не обнаружили, что в наших рюкзаках нет смартфонов. Они были не против вывести меня в туалет, но они были против, чтобы я почистил зубы. Лишь бы я не взял из рюкзака что-то. Они были не против вывести Ильяса в туалет, но при этом ни разу не позволили ему покурить. Поэтому

я предположил и написал Тане Сичкаревой: «Утверждаю, что тебя не подпускали к вещам до того самого момента, когда тебе отдали их». Потому что ее телефон использовался дольше всего. Она это подтвердила.

Мы попросили отложить судебное заседание в связи с недопуском защитников.

Пожелание людям — заботиться о своей безопасности и шифровать свои диски и смартфоны. И чтобы сделали стартовые странички захода во «ВКонтакте» и Фейсбук, чтобы это были адреса проверки конфиденциальности, где показывают последние сессии. Посмотрели, бросили взгляд — пошли заниматься своими делами в соцсетях. Но сначала — на секундочку — оценили, все ли устройства ваши, знакомы ли вам эти устройства.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Акции «Стратегии-18»

«Стратегия-18» — бессрочная акция протеста, объявленная в Москве и Санкт-Петербурге. Название связано с памятной датой: 18 мая 1944 года в Крыму началась депортация татарских семей.

1 37

Ещё почитать

30.01.2026 Ленинградская область

Физика из Ленинградской области осудили на 7 лет колонии по делу об антивоенных комментариях